

МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

С.Б. Куликов

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ НАУКИ

Аннотация. Предметом исследования являются механизмы структурирования образов науки в рамках реализации феноменологической программы исследований, основы которой заложил Э. Гуссерль в первой трети XX в. Актуальность решения задачи обусловлена двумя моментами. Во-первых, большим значением, которое имеют феноменологические разработки в современной философии. Феноменологическая программа исследований реализуется в области искусства, политики, культуры в целом. Во-вторых, исследования феноменологического подхода к структурированию образов науки обладает эвристическим потенциалом по преодолению манипулятивных стратегий, раскрывающихся в ходе демистификации (точнее, демифологизации) процедур построения научного знания. Методология исследования включает в себя сравнительный анализ и герменевтическую реконструкцию, которые позволяют сопоставить феноменологию с другими вариантами понимания образов науки и выявить целостный смысл самой феноменологии. Новизна полученных результатов обусловлена особым поворотом философской мысли, который требуется реализовать в отношении самого понимания исследуемого объекта, т.е. образа науки. Автор приходит к выводу, что в рамках феноменологии, возрождающей в современной культуре некоторые идеалы античности, образы науки структурируются в рамках общей денатурализации знания, которая, однако, не совпадает с историческими формами бытия самого знания. С феноменологической точки зрения научная деятельность – это процесс построения знания, в котором процедуры обоснования и вписывания в контекст являются совокупностью установок познающего сознания. Именно такое понимание образов науки позволяет понять их неустранимую множественность в современной культуре и объяснить причины появления данной множественности.

Ключевые слова: методология философского исследования, феноменология, образ науки, античное наследие, демистификация научных открытий, идеал, натурализм, историцизм, горизонт, мир науки.

Review. The subject of the research is the mechanisms of structuring images of science within implementation of the phenomenological program of researches first founded by Edmund Husserl in the first third of the XXth century. The relevance and importance of the topic is caused by the two facts. Firstly, the relevance is caused by the great value which phenomenological development in modern philosophy has. The phenomenological program of researches is realized in the field of art, policy and culture in general. Secondly, researches that are based on the phenomenological approach to structuring images of science possesses the heuristic potential to overcome manipulative strategy revealing in the process of demystification (more precisely, demythologization) of procedures for creating scientific knowledge. The methodology of the research includes the comparative analysis and hermeneutic reconstruction which allow to compare phenomenology with other options of understanding of science images and to reveal complete sense of phenomenology. The novelty of the research is caused by the special turn of philosophical thought which was required to be executed in order to understand the object under research, i.e. the image of science. The author comes to the conclusion that within phenomenology reviving some ideals of antiquity in modern culture, images of science are structured within the general denaturalization of knowledge which, however, doesn't coincide with historical forms of knowledge. From the phenomenological point of view, scientific activity is a process of creation of knowledge which implies procedures of justification and description as part of the cognitive mind. Such understanding of science images allows to understand their ineradicable plurality in modern culture and to explain the reasons of this plurality.

Keywords: historicism, naturalism, methodology of philosophical research, phenomenology, ancient legacy, science images, demystification of discoveries, ideal, horizon, world of science.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-10002).

Введение

В современной культуре результаты научно-исследовательской деятельности регулярно используются для подкрепления вненаучной активности, например в рекламе и политике. В рекламе научные достижения в основном призваны подкрепить идею коммерческой выгоды от приобретения именно предлагаемого товара. В политике наука участвует, главным образом, в рамках решения задач по обоснованию права одних политических сил доминировать над другими. Причем такое право может простекать как из причастности отдельных сил к научным кругам, ибо указывает на интеллектуальное превосходство, так и из противопоставления политиков и ученых. В первом случае политики претендуют на элитарность, а во втором – на демократичность своих убеждений. И в любом случае наука, точнее её образное воплощение, становится источником манипулятивных практик.

Противодействовать использованию науки в качестве средства манипуляции позволяет своего рода «секуляризация» образа науки. Отделение науки от шлейфа религиозно-мифологических смыслов [1, р. 85-87] даёт надежду на обретение понимания реального наполнения событий, складывающихся в рамках научного познания. Именно для этого понятие «образ науки» и необходимо затронуть в отношении, отсылающем к работам Ж.-П. Сартра, который полагал, что «характерные черты собственно образа как такового, нужно прибегнуть к новому акту сознания: к рефлексии. Следовательно, образ нельзя описать как образ иначе, нежели посредством акта второй ступени, когда взгляд отвлекается от объекта и направляется на тот способ, которым этот объект дан» [2, с. 53]. В этом плане наука может быть изучена в виде феномена, в рамках которого содержательное богатство научно-исследовательской деятельности редуцируется к разновидности рефлексивного акта, представляемого изолированным образом, и в отношении которого сохраняются перспективы по реконструированию наиболее существенных черт науки как таковой. Наука здесь исходно суть вид знания, в рамках которого реализуется «совокупность идей человека, в которых он выражает свое теоретическое овладение предметом» [3, с. 297]. В качестве рефлексии имеется в виду то, что Г. Гегель определял как «движение мысли, выходящее за пределы изолированной» [4, с. 206]. Из чего ясно, что автор не отделяет философию от спекулятивного мышления.

В то же время важно отметить следующее. На сегодняшний день имеется достаточно богатая исследовательская литература, в рамках которой обсуждаются возможности феноменологии в плане осмысления основ науки [5; 6; 7]. Что нового можно сказать по этому вопросу?

Оценка новизны получаемого результата зависит от особого поворота, который требуется выполнить в отношении самого понимания исследуемого объекта, т.е. образа науки. В ряде опубликованных работ было показано, что феноменологическая интерпретация предполагает выделение базовых актов рефлексии, соответствующих динамике самой науки [8; 9; 10; 11; 12]. Однако всё это не должно вести к утрате философией собственных характеристик, ибо полученный «образ науки» будет синонимичен «научному образу науки», а в этом очевидно скрывается тавтология («научная наука»). Поэтому всё ещё необходимо обнаружить основания для особой интерпретации феноменологии: как науки (достоверного знания) и как философии (спекулятивной рефлексии) одновременно. Первое важно для построения релевантного образа науки, второе – для сохранения внешней позиции относительно науки как реального вида социальной практики. Иначе говоря, в одной из своих версий феноменология, восходящая к Э. Гуссерлю, способна выступить одновременно и метанаучным и метафилософским знанием. Именно такая интерпретация позволяет выявить новые аспекты представления особой «механики» структурирования образов науки. Как же возможна указанная интерпретация?

Ответ на предложенный вопрос требует постановки как минимум двух исследовательских задач, решению которых и посвящены основные разделы статьи:

- прояснить общие характеристики феноменологического понимания науки;
- выявить специфику феноменологической реконструкции релевантного образа науки, который отвечает и характеристикам метанауки, и свойствам метафилософии, и тем самым с очевидностью возрождающий исследовательские идеалы, основы которых были заложены ещё в античности.

1. Общие характеристики феноменологического понимания науки

Феноменология, сложившаяся в отдельное направление в первой трети XX в., была связана с де-

ательностью целой плеяды блестящих философов: Э. Гуссерля, М. Шелера, Н. Гартмана, М. Мерло-Понти и многих других. В работах этих авторов было разработано оригинальное понимание науки. В частности, Э. Гуссерль полагал, что философский анализ науки должен «...изучить науки, как того или иного рода систематические единства, другими словами, исследовать, что придает им характерную форму наук» [13, с. 37]. Наука здесь не только и не столько разновидность знания, особый социальный институт или же вид человеческой деятельности. Наука – это так называемые «идеационные действия сознания», составляющие в целом специфическую «региональную эйдетику». Но что это значит?

Э. Гуссерль поясняет понятие региональной эйдетики так: «Любая конкретная эмпирическая предметность вместе со всеми своими материальными сущностями подчиняется соответствующему наивысшему материальному роду, «региону» эмпирических предметов. Тогда чистой сущности региона соответствует эйдетическая наука региона, или же – так тоже можно сказать – онтология региона» [14, с. 45]. Легко видеть, как интерпретация науки включает в себя идею познания отдельных сфер действительного в качестве особых «эйдосов». Причем в круге идей Э. Гуссерля эйдос – это выражение «сущности» познаваемых объектов, и понятие эйдоса используется наряду с категориями «идея» и «идеал». Вместе с тем Э. Гуссерль полагает, что «...с выражениями идея и идеал дело обстоит и не так плохо, но в целом всё же достаточно плохо, что дали мне почувствовать нередкие лжеистолкования моих «Логических исследований». Потребность вполне чётко отделить в высшей степени важное кантовское понятие идеи от всеобщего понятия (формальной или материальной) сущности тоже вынуждает меня изменить терминологию. Поэтому из заимствованных слов я пользуюсь терминологически незатертым словом эйдос, а в качестве слова немецкого, сопряжённого с неопасными, хотя иной раз и огорчительными недоразумениями, словом «Wesen» – «сущность» [14, с. 23].

Итак, наука в рамках феноменологии, во всяком случае, согласно Э. Гуссерлю, – это деятельность по трансформации отдельных сфер действительности из вида чего-то внеположенного сознанию в эйдос или идею регионов, их идеацию в границах познающего сознания.

Но идеация имеет достаточно специфический смысл. Так, Э. Гуссерль видит в таковом качестве процедуру представления действительных яв-

ний в виде особых интенциональных объектов. Именно опыт переживания таких объектов в границах сознания позволяет понять общую сущность предмета, его идею или эйдос, причем выполняется это посредством понимания конкретного способа данности предмета сознанию. Э. Гуссерль замечает следующее: «Переживание – это переживание чего-либо, например, вымысел – это вымысел кентавра, а восприятие – восприятие «реального» предмета, суждение – суждение о соответствующем положении дел и т.д., – всё это относится не к переживаемому факту в мире, в особенности в фактической психологической взаимосвязи, а относится к чистой сущности, постигаемой через идеацию просто как идея. В сущности переживания заключено не только то, что оно есть сознание, но и то, чего сознание оно есть» [14, с. 111]. Отсюда видно, что наука есть совокупность интенциональных переживаний как идеальных форм сознания.

Совокупность интенциональных переживаний в науке имеет особый принцип единства. Этот принцип задается так называемой «естественной установкой», под которой понимается следующее: «Естественное познание начинается с опыта и остаётся в опыте. Итак, в той теоретической установке, какую мы называем «естественной», совокупный горизонт возможных исследований обозначен одним словом – мир. Посему все науки с такой изначальной установкой суть науки о мире, и пока таковая исключительно царит, объемы понятий «истинное бытие», «действительное бытие», т.е. реальное бытие, и – поскольку всё реальное сводится в единство мира – «бытие в мире» совпадают» [14, с. 29]. Из этого ясно, что наука вполне может быть истолкована в качестве единства идеализирующих процедур по естественному осознанию качеств и свойств мира.

Практически ту же мысль, хотя и несколько иначе, излагает М. Шелер: «И тем не менее феноменология по своему замыслу – прямая противоположность так называемого «феноменализма», т.е. учения, согласно которому наше познание есть лишь познание так называемых «явлений» неких реальностей, лежащих за этими явлениями. Она даже стремится показать, как появилось это разделение (учение Гёте о цвете). Но тогда она должна показать также и то, как из её фактов получают основные понятия объясняющей науки, например, понятия, используемые в механическом объяснении природы, основные понятия позитивной биологии: жизнь, среда, стимул, реакция, смерть, рост,

наследственность; основные понятия дескриптивной и объясняющей психологии, наук о культуре и о духе» [15, с. 244-245]. Из этого ясно, что наука в форме идеализирующих процедур может быть понята как процесс выработки смысла «объясняющих понятий».

Феноменологическую интерпретацию науки дополнял М. Мерло-Понти. Этот автор утверждал, что «...когда наука учится справляться с тем, что вначале устраняет как субъективное, то она шаг за шагом вводит его обратно. Однако интеграция осуществляется на уровне частного случая отношений или объектов, которые-то и означают для неё мир. В итоге мир замыкается на себе самом и все мы, за исключением того, кто в нас мыслит и создает науку, за исключением того беспристрастного наблюдателя, который обитает в нас, становимся частями или моментами Великого Объекта» [16, с. 25-26]. Нетрудно увидеть истолкование науки в качестве деятельности по объективации. Причём феноменологическая интерпретация объективации позволяет увидеть её в качестве процедуры по специфической идеализации сущего в мире. М. Мерло-Понти выдвинул такой тезис: «Когда внутри картезианства происходила «идеализация» физического мира посредством определения этого мира исключительно с помощью внутренних свойств, то есть с помощью того, чем он являлся в своем чистом бытии объекта перед совершенно очищенным мышлением, то, желая того или нет, эта идеализация служила источником вдохновения для науки о человеческом теле, которая разлагала это тело на сплетение объективных процессов и с помощью понятия ощущения доходила в своем анализе до понятия «психики» [16, с. 42]. Из этого становится ясна феноменологическая интерпретация науки как особой активности сознания, суть которой заключена в искусственном разведении объектов и субъектов.

М. Мерло-Понти заключает: «...бытие-объектом, равно как и бытие-субъектом, рассмотренное в оппозиции и в отношении к бытию-объектом, не образуют альтернативы друг для друга; что воспринимаемый мир находится по эту или по ту сторону от указанной антиномии и что неудача «объективной» психологии, вместе с неудачей «объективной» физики, должна быть понята не как победа «внутреннего» над «внешним» и «ментального» над «материальным», но как призыв к ревизии нашей онтологии и к пересмотру понятий «субъекта» и «объекта» [16, с. 37].

Итак, феноменологический подход, объектом которого выступил анализ структур сознания и его действий (актов), позволил провести критику имевшихся в начале XX в. способов научного познания. Но критика не ставила целью элиминацию традиционного образа науки. Решалась задача по очищению традиционных представлений от наивных убеждений, которые затрудняли адекватную оценку онтологических оснований науки. Феноменология предполагает переход от естественного (натуралистического) сознания к особому взгляду на мир, который влечёт за собой переход в понимании науки от образа машины, собирающей и обрабатывающей факты, к представлению науки как творческого процесса по выделению сущности явлений в мире.

Можно сделать предварительный вывод о том, что феноменологические принципы структуриации образов науки раскрывают особый способ понимания науки, в рамках которого складывается её образ в виде специфической пластики сознательной деятельности, познающей и мир, и сущностные моменты собственного выполнения. В особенности это видно в работах Н. Гартмана, акцентирующего внимание, например, на онтологической вторичности процессов познания относительно эмоциональных актов [17, с. 486-487]. Н. Гартман, в частности, раскрыл возможность ввести идею «расслоения восприятий», подразумевая под этим процедуры прояснения версий данности объектов сознанию, которые образуют своеобразный «фон», указывающий на конкретный способ отдельной данности [18, с. 72].

Вместе с тем проведённое исследование ещё не содержит конкретного варианта реализации феноменологической программы исследований. Реконструкции такого варианта будет посвящена следующая часть наших изысканий, для которой всё предшествующее является лишь подобием строительного материала.

2. Специфика феноменологической реконструкции релевантного образа науки

В свое время Э. Гуссерль радикально поставил вопросы об «идеальных условиях возможности науки вообще» и о метафилософских основаниях философской рефлексии как «прообразе философского самоосмысления» [13, с. 267-270, 324-330]. Также были предложены наиболее последовательные ответы на данные вопросы. В частности, Э. Гуссерль

заметил, что «ведущей идеей наших размышлений будет, как и у Декарта, идея науки, которую следует обосновать в радикальной подлинности, и, в конечном итоге, идея универсальной науки» [13, с. 331]. Из этого ясно, что базовыми стандартами, на которые ориентировался Э. Гуссерль, выступали идеальность, радикализм, подлинность и универсализм.

Э. Гуссерль делает три принципиальных предположения. Во-первых, это утверждение о том, что главной интенцией философии является стремление стать строгой наукой. Э. Гуссерль полагает, что «...с самого момента своего возникновения философия выступила с притязанием быть строгой наукой и притом такой, которая удовлетворяла бы самым высоким теоретическим потребностям, и в этически-религиозном отношении делала бы возможной жизнь, управляемую чистыми нормами разума» [13, с. 668]. Под «строгостью» в данном случае понимается знание, соответствующее виду объективно понятым и обоснованным идей, связанных воедино посредством однозначно установленных, ясных по своему смыслу проблем, методов и теорий [13, с. 669].

Второе предположение связано с представлением о том, что «...толчок к исследованию должен исходить не от философии, а от вещей и проблем, философия же по своей сущности есть наука об истинных началах, об истоках» [13, с. 742-743]. Это означает, что в одном отношении философия выступает предельным знанием, а в другом – имеет внешний предел. Причём предел этот возникает не в результате столкновения философии с некоторой внешней силой, но обнаруживается внутри самого философского сознания как итог его естественного движения.

Третьим допущением, которое делает Э. Гуссерль, выступает то, что теоретическая цель науки – устранить противоречия и двусмысленность научных понятий; «...чтобы достичь этой теоретической цели, необходимо прежде всего ... заняться рядом исследований, относящихся к области метафизики. Задача последней состоит в фиксировании и изучении неисследованных, зачастую даже незамеченных и всё же весьма существенных предпосылок метафизического характера, лежащие в основе всех наук или, по крайней мере, тех, которые имеют дело с реальной действительностью. ... Иначе обстоит дело со вторым рядом исследований, теоретическое завершение которых тоже есть необходимый постулат нашего стремления к знанию.

Они касаются в одинаковой мере всех наук, ибо, коротко говоря, относятся к тому, что делает науки науками» [13, с. 22-23].

В связи со всем этим позиция Э. Гуссерля по вопросу метафилософских оснований может быть выражена так: философия есть рациональное знание, стремящееся к строгой научности, исследует в качестве предмета первоначала сущего, имеет принципиально внешнее ограничение кругом конкретных проблем; главной из философских проблем выступает обоснование науки.

Каковы же способы реализации программы «философия как строгая наука»? Э. Гуссерль предлагает действовать посредством критики двух исследовательских направлений. Первое из них имеет натуралистическую форму: «Натурализм есть явление, возникшее как следствие открытия природы – природы в смысле единства пространственно-временного бытия по точным законам природы» [13, с. 675]. Второе направление непосредственно относится к историцистской форме философского знания и возникает как «...следствие «открытия истории» и обоснования все новых и новых наук о духе» [13, с. 675]. На базе критики натурализма и историцизма Э. Гуссерль выделяет строго научный базис философского знания. Тем самым даётся один из вариантов решения задачи о предельном обосновании научно-исследовательской деятельности.

Под сомнение попадают несколько ключевых моментов натурализма. Э. Гуссерль утверждает следующее: «То, что является характерным для всех форм крайнего и последовательного натурализма, начиная с популярного материализма и кончая новейшим монизмом ощущений и энергетизмом, есть, с одной стороны, натурализация сознания, а с другой – натурализация идей, а с ним вместе и всех абсолютных идеалов и норм» [13, с. 676]. Из этого ясно, что под сомнением, прежде всего, натуралистская установка на овеществление сознания.

В более ранних «Логических исследованиях» Э. Гуссерль предваряет общую критику натурализма анализом попыток свести формально-логические принципы к психологическим основаниям (естественным законам мышления) [13, с. 93-119]: «Я был бы готов сказать, что психологизм живёт только непоследовательностью, что тот, кто его последовательно продумает до конца, тем самым уже отрекся от него, – если бы крайний эмпиризм не давал разительного примера, насколько укоренившиеся предрассудки могут быть сильнее самых

ясных свидетельств очевидности. С бесстрашной последовательностью эмпирист выводит самые тяжкие следствия, принимает ответственность за них и пытается связать их в теорию, разумеется, полную противоречий» [13, с. 93]. Из этого ясно, что попытки психологизации логики содержат внутреннее противоречие [13, с. 93].

Так, по Э. Гуссерлю, бесосновательны доводы в пользу эмпирического содержания принципа недопущения противоречивости: «На место немыслимости истинности двух противоречащих суждений подставляется реальная несовместимость соответствующих актов суждения. ... Истинное положение дела мы можем описать так: аподиктически очевидной, т.е. в истинном смысле слова внутренне убедительной для нас является лишь невозможность одновременной истинности противоречащих положений» [13, с. 96-108]. Во многом аналогичные возражения Э. Гуссерль высказывает и в отношении эмпирико-психологического понимания отождествления естественнонаучных законов и правил умозаключения [13, с. 120-128].

Э. Гуссерль приходит к общему выводу о том, что эмпиризм, как подход к основам логики, принципиально приводит к релятивизму, противоречая тем самым «...общему смыслу понятий «логический принцип» и «факт» или – чтобы сказать точнее и в более общей форме – смыслу понятий «истины, вытекающей из одного лишь содержания понятий» и «истины об индивидуальном бытии» [13, с. 142-143].

В связи с этим раскрываются причины, по которым Э. Гуссерль определяет натурализм, отсылающий к стремлению истолковать философские проблемы через сеть естественнонаучных и (или) психологических понятий, как то, что «...не может быть философией в специфическом смысле слова, нигде и никогда не может служить основой для философии и само только на основе предшествующей ему философии может подвергнуться философской оценке ради целей метафизики» [13, с. 682].

В число сугубо «философских» проблем входит раскрытие основ данности предмета как такового сознанию, установление объективной значимости актов сознательной деятельности, раскрытие корреляции между сознательными актами и внешними по отношению к ним вещами, а также многие другие. Все эти проблемы могут быть действительным образом не только выявлены, но и во многом решены на базе принципиально критической установки в условиях устранения всех положитель-

ных экзистенциальных высказываний о вещах, их месте в пространстве, включенности во время и других. Следует также отождествить бытие и сознание: всё, что не может быть осмыслено, так или иначе обозначено и схвачено в рамках самой деятельности осмысления, по сути, не существует [13, с. 683-686]. Область же знания, находящегося в ведении естественных наук, весьма существенно ограничена, причём граница проходит в области особого рода «наивности» естествознания.

Как замечает Э. Гуссерль, «природа, которую оно [естествознание] хочет исследовать, существует для него просто в наличности. Само собой разумеется, вещи существуют как покоящиеся, движущиеся, изменяющиеся в бесконечном пространстве и, как временные вещи, в бесконечном времени. Мы воспринимаем их, мы описываем их в безыскусственных суждениях опыта» [13, с. 681]. Из этого ясно, что натурализм по необходимости зависит от идеи природы, задающей способы понимания области непосредственно наблюдаемого.

Не менее существенны и ограничения «естественной» психологии, обнаруживающиеся в пределах овнешненного, натурализованного представления о сознании: «Психическое не есть мир для себя, оно дано, как «я» или как переживание «я» (вообще в очень различном смысле), которое оказывается, согласно опыту, уже соединенным с известными физическими вещами, называемыми телами. И это есть ... само собой разумеющаяся данность» [13, с. 681]. Из этого ясно, что проведение аналогии между психикой и миром природных объектов позволяет задать образ квазиналичного присутствия элементов сознания для наблюдателя.

Таким образом, критический анализ натуралистического направления позволяет Э. Гуссерлю заключить, что надеяться на раскрытие строго научного базиса философского знания можно лишь на базе подхода, суть которого в том, что «смысл высказывания о предметности, что она есть и познавательным образом проявляет себя как сущее и притом сущее в определённом виде, должен из одного только сознания сделаться очевидным и, вместе с тем, без остатка понятным. А для этого необходимо изучение всего сознания. ... При этом мы наталкиваемся на одну науку, – ... на феноменологию сознания, противоположную естествознанию сознания» [13, с. 685-686]. Из этого ясно, что метаоснованием научно-исследовательской деятельности Э. Гуссерль видит замкнутое на себя сознание.

Во многом дополняя вышеуказанное утверждение, мы полагаем, что именно развитие возможности воспринять науку в качестве замкнутой системы сознательной рефлексивной деятельности обуславливает критический анализ Э. Гуссерлем историцизма, второго из общих способов выполнения исследовательских действий, получивших вместе с натурализмом значительное распространение в XX в.

Э. Гуссерль замечает, что «...историцизм полагает свою позицию в сфере фактов эмпирической духовной жизни. Полагая её абсолютно, без непосредственной натурализации, ... историцизм рождает к жизни релятивизм, весьма родственный натуралистическому психологизму и запутывающийся в аналогичные же скептические трудности» [13, с. 717]. Из этого ясно, что историцизм – это позиция последовательного релятивизма, которая формируется под влиянием идеи полной зависимости философского знания от исторического процесса. Целые отрасли знания рождаются, живут и умирают, причём каждая из них не имеет превосходства над остальными, являясь лишь рядоположенными способами «миросозерцания».

Э. Гуссерль полагает, что отрицание самой возможности прогресса ставит непреодолимую преграду между историцизмом и философией как «строгой наукой». В этом отношении «...миросозерцательная философия и научная философия разграничиваются. ... При этом нужно помнить, что первая не является несовершенным осуществлением последней во времени. Ибо ... до сих пор вообще отсутствует какое-либо осуществление второй идеи, т.е. какая-либо действительно действующая уже как строгая наука философия» [13, с. 732]. Из этого следует, что только феноменология сознания представляется такой формой знания, которая следует путём строгой науки, а именно объективно

понятых и обоснованных идей, связанных воедино посредством ясных по своему смыслу методов.

В рамках позиции Э. Гуссерля, которую он фиксирует в ходе критики натурализма и историцизма, восполняются пробелы в понимании науки, обнаруживающиеся в рамках прочих подходов [19; 20; 21]. Становится возможным выявить формальные предпосылки выявления причин видоизменения философских образов науки, которые, во-первых, относятся к самосознанию предела (радикальных основ) науки, а во-вторых, – принадлежат к пониманию надысторического или метаисторического её характера.

Заключение

В ходе предпринятого исследования удалось выявить, что образ науки структурируется в процессе переосмысления фундамента для получения достоверных знаний. Такой фундамент не может ассоциироваться с историческими формами бытия самого знания как такового. В рамках феноменологии научная деятельность есть совокупность актов сознания, ядром которых выступают процедуры обоснования и вписывания в контекст культуры полученных результатов познавательной деятельности. В итоге природа и история, как нечто внешнее относительно сознания познающего субъекта, должны быть восприняты предельно условными образованиями, которые если и влияют на познавательный процесс, то весьма опосредованно. И тут важно, что даже психология науки не является законодателем для работы познающего субъекта, ибо психологические установки производны от самого познания как целостного процесса. Главным же фактором, под влиянием которого разворачивается этот процесс, оказывается феномен «понятности», конституированный разрывом повседневных связей и привычных ассоциаций.

Список литературы:

1. Barthes R. Mythologies. Paris, 1957.
2. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия. СПб., 2001.
3. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974.
4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. М., 1974-1977. Т. 1.
5. Штрекер Э. Гуссерлевская идея феноменологии как обосновывающей теории науки // Современная философия науки. М., 1996.
6. Bast R.A. Der Wissenschaftsbegriff Martin Heideggers im Zusammenhang seiner Philosophie. Stuttgart-Bad Cannstatt, 1986.
7. Bruzina R. Husserl's "Naturalism" and Genetic Phenomenology // New Yearbook for Phenomenology & Phenomenology Philosophy. 2010. V. 10. No 1. P. 91-125.
8. Куликов С.Б. Критика Э. Гуссерлем оснований физико-математического естествознания: релятивистские следствия // Философия науки. 2005. № 4(27). С. 3-13.

9. Куликов С.Б. Основы философского анализа науки: методология, смысл и цель. Томск, 2005.
10. Куликов С.Б. Процессы трансформации философских образов науки. Томск, 2012.
11. Куликов С.Б. Феноменологический подход – ключ к пониманию причин трансформации философских образов науки // *Horizon. Феноменологические исследования*. 2013. Т. 2(2). С. 61-74.
12. Куликов С.Б. Особенности феноменологической реконструкции процессов трансформации в культуре философских образов науки: натурализм vs историцизм // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2014. № 7(148). С. 25-32.
13. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Минск, М., 2000.
14. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. М., 2009.
15. Шелер М. Избранные произведения. М., 1994.
16. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. Мн., 2006.
17. Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб., 2003.
18. Гартман Н. Эстетика. Киев, 2004.
19. Федотова В.Г., Яковлева А.Ф. Наука как феномен модерна (Статья вторая) // *Философия и культура*. 2013. № 9. С. 1299-1306. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.9.9239).
20. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Наука и образование в глобально-ноосферной перспективе // *Социодинамика*. 2013. № 2. С. 161-222. (DOI: 10.7256/2409-7144.2013.2.439. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_439.html).
21. Баксанский О.Е. Мироззрение будущего: конвергенция как фундаментальный принцип // *Педагогика и просвещение*. 2014. № 3. С. 17-29. (DOI: 10.7256/2306-434X.2014.3.13521).

References (transliteration):

1. Barthes R. *Mythologies*. Paris, 1957.
2. Sartre Zh.-P. *Voobrazhaemoe. Fenomenologicheskaya psikhologiya vospriyatiya*. SPb., 2001.
3. Kopnin P.V. *Gnoseologicheskie i logicheskie osnovy nauki*. M., 1974.
4. Gegel' G.V.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk: v 3 t.* M., 1974-1977. T. 1.
5. Shtreker E. *Gusserlevskaya ideya fenomenologii kak obosnovyuyushchei teorii nauki* // *Sovremennaya filosofiya nauki*. M., 1996.
6. Bast R.A. *Der Wissenschaftsbegriff Martin Heideggers im Zusammenhang seiner Philosophie*. Stuttgart-Bad Cannstatt, 1986.
7. Bruzina R. Husserl's "Naturalism" and Genetic Phenomenology // *New Yearbook for Phenomenology & Phenomenology Philosophy*. 2010. V. 10. No 1. P. 91-125.
8. Kulikov S.B. *Kritika E.Gusserlem osnovanii fiziko-matematicheskogo estestvoznaniya: relyativistskie sledstviya* // *Filosofiya nauki*. 2005. № 4(27). S. 3-13.
9. Kulikov S.B. *Osnovy filosofskogo analiza nauki: metodologiya, smysl i tsel'*. Tomsk, 2005.
10. Kulikov S.B. *Protsessy transformatsii filosofskikh obrazov nauki*. Tomsk, 2012.
11. Kulikov S.B. *Fenomenologicheskii podkhod – klyuch k ponimaniyu prichin transformatsii filosofskikh obrazov nauki* // *Horizon. Fenomenologicheskie issledovaniya*. 2013. Т. 2(2). S. 61-74.
12. Kulikov S.B. *Osobennosti fenomenologicheskoi rekonstruktsii protsessov transformatsii v kul'ture filosofskikh obrazov nauki: naturalizm vs istoritsizm* // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2014. № 7(148). S. 25-32.
13. Gusserl' E. *Logicheskie issledovaniya. Kartezianskiye razmyshleniya*. Minsk, M., 2000.
14. Gusserl' E. *Idey k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii*. Kniga pervaya. M., 2009.
15. Sheler M. *Izbrannyye proizvedeniya*. M., 1994.
16. Merlo-Ponti M. *Vidimoe i nevidimoe*. Mn., 2006.
17. Gartman N. *K osnovopolozheniyu ontologii*. SPb., 2003.
18. Gartman N. *Estetika*. Kiev, 2004.
19. Fedotova V.G., Yakovleva A.F. *Nauka kak fenomen moderna (Stat'ya vtoraya)* // *Filosofiya i kul'tura*. 2013. № 9. S. 1299-1306. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.9.9239).
20. Ursul A.D., Ursul T.A. *Nauka i obrazovanie v global'no-noosfernoi perspektive* // *Sotsiodinamika*. 2013. № 2. S. 161-222. (DOI: 10.7256/2409-7144.2013.2.439. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_439.html).
21. Baksanskii O.E. *Mirovozzrenie budushchego: konvergentsiya kak fundamental'nyi printsip* // *Pedagogika i prosveshchenie*. 2014. № 3. S. 17-29. (DOI: 10.7256/2306-434X.2014.3.13521).